

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
(ИСл РАН)

Отдел истории славянских народов
Центральной Европы в Новое время

научный доклад об основных результатах
научно-квалификационной работы

**Место Военной границы в концепциях административно-
политического устройства королевства Хорватии и Славонии в 40-70-е
годы XIX в.**

Аспирант: Дронов А.М.

Научный руководитель: Хаванова О.В.

Допустить к защите

«___» _____ 2018 г.

Москва, 2018

Военная граница – милитаризованная территория с особым статусом в Габсбургской монархии на границе с Османской империей. Она охватывала южные области исторического Венгерского королевства, в том числе находившегося с ним в унии королевства Хорватии и Славонии (до 1867 г. также именовавшегося Триединым королевством). В условиях перехода к массовой армии и ослабления османской угрозы к середине XIX в. Военная граница превратилась в отживший административно-территориальный институт. После преобразования государства Габсбургов на дуалистических началах вопрос был окончательно решён в пользу ее полного упразднения.

Объектом данного исследования можно обозначить регион Военной границы в контексте хорватской истории. Предмет исследования – место Военной границы в развитии хорватской государственности и общественного мнения юга Габсбургской монархии. Исследовательской целью научно-квалификационной работы (диссертации) является выявление меняющейся роли фактора Военной границы в административно-политическом развитии королевства Хорватии и Славонии, как это отражено в дебатах сабора, прессе, публицистике, и в какой мере обсуждение проблемы в конечном итоге повлияло на выработку концепции хорватской государственности. При этом решаются такие задачи, как (1) выявление форм вовлечения населения Военной границы в политические процессы в королевстве, признаков того, что граничары испытывали влияние циркулировавших в хорватском обществе идей, ассоциировали себя с территорией и жителями королевства, а в самом Хорватско-Славонском королевстве воспринимались как возможные сограждане; (2) анализ отношения к Военной границе со стороны Венского двора, венгерской и хорватской элит, в целом южнославянского населения Австрийской империи.

Хронологические рамки научно-квалификационной работы – период 40–70-х годов XIX в. Начальная дата позволяет реконструировать место и роль Военной границы в общественно-политической жизни королевства Хорватии и Славонии в последнее десятилетие так называемого Предмартовского периода (от немецкого – Vormärz, десятилетия между Венским конгрессом 1815 г. и революцией 1848 г., начавшейся, как известно, в марте). Нижняя граница – 1873/1881 годы – дает возможность рассмотреть первые результаты и последствия ликвидации особого статуса и демилитаризации этой территории и ее частичной инкорпорации в Хорватско-Славонское королевство.

Актуальность исследования определяется не только недостаточной изученностью темы в российской историографии, но и тем, что в странах, на чьей территории когда-то находилась Военная граница, ее история нередко остается политизированной и узконационально ориентированной. Обстоятельное исследование по заявленной теме может представлять методологический интерес для специалистов по истории казачества и иных подобных милитаризированных областей с особым статусом.

На протяжении всего существования Военной границы с XVI по XIX в. менялся её этнический и конфессиональный состав, да и вообще «профильное» назначение данной территории. Так, сначала Военная граница – это «остатки остатков» на защите ядра владений Габсбургов, затем – «засечная черта» немецкого образца, выполняющая вместе с тем и функцию санитарного кордона, наконец, «резервуар» дешёвой армии для всей империи. Кроме того, Военная граница – это оплот традиционного хозяйственного уклада с сохранением задруг (больших семей), исчезнувших у других славянских народов (кроме русских) ещё к концу XVI в.

В данной работе используется методология сразу двух направлений исторической науки: теории элит («корпорации») и граничных исследований (рассмотрение Военной границы как пограничья двух

империй, Габсбургской монархии и Османской империи). В частности, следует отметить вклад в исследование региона международного проекта «Triplex confinium», инициаторами которого в 1996 г. стали хорватский историк Д. Роксандич и его австрийский коллега К. Кэзер.

В основу историографического обзора положен проблемно-хронологический подход, также показана эволюция хорватской и отчасти сербской исторических школ в изучении Военной границы. Тот факт, что территории Сербии и Хорватии большую часть XX в. находились в составе одного государства наложило отпечаток и на особенности взглядов местных историков на прошлое своих стран. В частности, особенностью сербской школы в вопросе Военной границы является апелляция к праву народа на территорию его фактического проживания, что было связано с переселениями сербов из-за турецкой угрозы в соседнюю Габсбургскую монархию (в таком ключе написаны работы С. Гавриловича, В. Крестича и др.). Тогда как хорватские историки опираются на принципы исторического права народа на свою территорию (М. Валентич, Д. Роксандич и др.). Кроме того, показаны особенности развития исторической науки Австро-Венгрии в конце XIX – начале XX в. по спорным историческим вопросам распространения религиозной унии в регионе Военной границы, а также «влашской проблеме», которую определяет дискуссионность таких понятий как «влах» и «иллир» в истории региона. Две данные проблемные для историографии темы являются актуальными для изучения региональной истории XIX в., т.к. вопросы о взаимодействии католиков и православных, а также кого можно считать в Габсбургской монархии сербами, и на какие территории таковое население может претендовать, поднимались на хорватских ландтагах (саборах) и в общественно-политических дискуссиях (например, на страницах газет) в рассматриваемый период.

Основы отечественной хорватистики заложил В.И. Фрейдзон (1922–2004), исследовавший все исторические регионы современной ему СР

Хорватии (в составе СФРЮ), с 1991 г. получившей независимость Республики Хорватия, в том числе, и Хорватско-славонскую военную границу. Крупным российским историком иллиризма являлась И.И. Лещиловская (1929–2016). В XXI в. их начинания продолжают новые поколения исследователей.

Корпус источников, использованных в данном исследовании, можно разделить на следующие категории:

1. правовые документы и документы официального происхождения;
2. стенограммы заседаний сабора;
3. статистические исследования, отчеты, описания;
4. аналитические записки;
5. манифесты, программы политических партий и движений;
6. периодика (газеты);
7. источники личного происхождения (мемуары, автобиографии, дневники, записки, письма).

При этом задействованы, главным образом, опубликованные источники: хорватские, австрийские, венгерские и сербские газеты, стенограммы и протоколы хорватских ландтагов (саборов), а также документы архивов Хорватии, Сербии, Австрии и Венгрии, опубликованные коллективами хорватских и сербских историков, за исследуемый период.

В главе 1 «Военная граница в эпоху развития национальных идеологий южных славян» рассматриваются Предмартовский и революционный хронологические отрезки, т.е. с 1830-х до начала 1850-х годов. Глава делится на три параграфа. Первые два выделены, исходя из хронологии, а третий – по проблемному принципу.

Первый параграф посвящен последнему десятилетию Предмартовского периода в хорватских землях (1840-е годы). В центре идеологического развития хорватских земель в этот период стоит движение иллиризма. Оно явилось реакцией загребских интеллектуалов на тогдашнее

положение хорватского языка, которое не соотносилось с непрерывно существовавшей хорватской государственностью. В развитии этого движения можно проследить три главных направления.

Во-первых, это движение в среде хорватского духовенства. Важную роль здесь сыграл епископ загребский М. Врховац (1752–1827), который выступал за сотрудничество хорватов и сербов, был близок идеям панславизма, а к концу жизни превратился в сторонника иллиризма. Епископ отдавал предпочтение кайкавскому наречию хорватского языка и собрал группу священников для перевода на это наречие Библии.

Во-вторых, это вызванное языковой «революцией сверху» Иосифа II (1765/1780–1790 гг.) движение за свои права хорватского дворянства. Благодаря сохранению своих королевских институтов Хорватия и Славония сохранили и своё дворянство. Именно второе сословие, ощущавшее себя в качестве представителей хорватской политической нации, могло выдвинуть свои требования к королю в связи с претензиями их коллег из других частей империи. Кроме того, назревала проблема поиска средств идеологической защиты от стремлений венгров лишить хорватское дворянство исторических прав, а королевства прочно интегрировать в своё правовое поле. Прорывом здесь стала «Диссертация» (1832) графа Яноша (Йована, или Янко) Драшковича (1770–1856). В центре этой политической программы находится «Великая Иллирия», но это не абстрактная мечта об объединении всех иллиров или южных славян, а вполне прагматическая модель создания «Иллирийского королевства» в качестве возрождённого средневекового Хорватского королевства в границах Хорватии, Славонии, Далмации, Боснии и Военной границы. Причем, помимо хорватской и славонской военной границы в это политическое образование должны были войти и два полка Банатской границы. Такое королевство на границе двух империй предусматривало и возможность федерализации монархии Габсбургов. Сама «Диссертация» была написана Я. Драшковичем на штокавском наречии,

которое и предлагалось автором в качестве «иллирского языка». При этом выбор именно штокавщины граф объяснял тем, что большинство известных ему литературных произведений за всю историю написано хорватскими авторами именно на этом наречии.

В-третьих, городская, в первую очередь, загребская интеллигенция, организовавшая хорватский вариант распространявшегося среди многих славянских народов Австрийской и Османской империй движения будителей – активистов национального, культурного и языкового возрождения. С этой волной иллирского движения рука об руку шёл и так называемый «литературный иллиризм». Именно на этом этапе хорватское движение приобретает национальный характер и становится массовым, охватывая широкие слои, в первую очередь, городского населения. Идеи иллиризма начинают поддерживаться меценатами из торгово-финансовых кругов.

В качестве основы для иллирского литературного языка Л. Гай (1809–1872) так же как и Я. Драшкович выбрал штокавское наречие. Не исключено, что так он хотел перехватить инициативу у сербского национального движения, развивавшегося параллельно хорватскому и ознаменовавшемуся восстаниями в Османской империи, созданием вассального от султана Сербского княжества и разработкой В. Караджичем (1787–1864) сербского литературного языка на основе господствовавшей среди сербов штокавщины.

Вместе с тем, после объединения Л. Гаем всех трёх течений иллиризм позволил охватить широкие слои населения: среднее и мелкопоместное дворянство, интеллигенцию, учащуюся молодёжь, низшее католическое духовенство и даже отдельных представителей аристократии. Под началом Л. Гая в деле просвещения населения, выпуске газет и другой печатной продукции, организации культурных мероприятий трудились бок о бок графы и бароны, представители католического духовенства и разночинцы.

Также национальному движению симпатизировали и многие офицеры Военной границы, о чём свидетельствуют письма «иллиров с Границы» в редакцию газет Л. Гая и их стихотворения или рассуждения, одухотворённые идеей великого и свободного иллирского народа.

При конструировании особой иллирской нации большое внимание уделялось историческим правам самого Хорватского королевства. При этом история хорватов была национализирована иллирами, создавался идеальный романтический образ прошлого, память о котором необходимо было возрождать. Для пропаганды своего, национального взгляда на историю иллиры не только начали выпускать газеты и писать литературные произведения, но и основали свою культурную лабораторию общехорватского масштаба, получившую название Матица иллирская. При самой матице и через нее открывались народные читальни. Также появилась кафедра хорватского языка и литературы. Эта кафедра была оазисом иллирского духа, своим местом для хорватской национальной интеллигенции, поэтому на проникновение сюда каких-либо чуждых идей извне реагировали нервно. А раздражающими идеями были две: венгерская и сербская.

Опасность со стороны сербов заключалась в существовавшем у них сильном историческом мифе о былом величии своего народа. Этот миф зиждился на так называемом косовском мифе, тесно связанном с обширным народным косовским эпосом, а также памяти о некогда могущественном и обширном «Душанове царстве» – империи царя Стефана Душана Сильного (1331–1355 гг.). Этот миф был вызван к жизни во время Первого сербского восстания (1804–1813 гг.) в Османской империи, т. к. сербы при активной поддержке России оказались совсем близко от воссоздания своего независимого государства. Однако в отличие от сербов хорваты не обладали к началу XIX в. сопоставимым по заряду «историческим мифом». Единственное, что они могли противопоставить сербам – это своё

непрерывное историческое право в качестве де-юре никогда не терявшего независимость Хорватского королевства. Отсюда желание создать свой, иллирский, миф и историческую картину.

В другой плоскости развивалось противостояние между хорватским национальным движением разночинной интеллигенции как контр-элиты по отношению к корпорации дворян-унионистов. Если борьбу иллиров и мадяронов рассматривать как противостояние идеи «большой (штокавской) Хорватии» и «малой (кайкавской) Хорватии», то мадяроны одержали верх. Ведь они призывали вернуться в 1835 год, отрицая путь национального строительства, проделанный иллирами к середине 1840-х гг. А на это как раз и вынуждены были пойти иллиры из-за запретов властей и требований венгров: Л. Гай вернул прежние названия газет, где нет слова «иллир», а Б. Шулек (1816–1895) возродил, по сути, программу территориального объединения Я. Драшковича 1832 г., являвшейся порождением хорватского высшего сословия, т.е. корпорации, интересы которой и отстаивались мадяронами.

Однако иллирам удалось через мегаидею сформировать суверенную нацию королевства Хорватии и Славонии уже к 1848 г., т.е. к моменту первой битвы наций в монархии Габсбургов. Это доказывает то, что в 1847 г. хорватский сабор (ландтаг) перешёл с латыни на хорватский язык, причем, в его штокавском варианте. Поэтому здесь можно согласиться с немецким историком В. Кесслером. В отличие от чешского исследователя М. Гроха, относившего складывание хорватской нации к рубежу XIX–XX вв., он признаёт победу уже к середине 1840-х гг. «политического хорватизма» и формирование к 1848 г. «хорватско-славонской нации». Отсюда и претензии Венгрии на Военную границу уже не были угрозой самому формированию хорватской и сербской наций, т.к. граничары говорили в основном на том же языке, что и жители соседних с ними земель королевства Хорватии и Славонии, а также Южной Венгрии и поэтому

рассматривались деятелями народного движения (народняками) южных славян Габсбургской монархии как часть именно их общности и среды.

В отношении будущего Хорватско-славонской военной границы как иллирская политическая модель, так и сословно-корпоративная унионистская предполагали одну и ту же конечную цель: демилитаризацию Границы и её инкорпорацию в Венгеро-хорватское королевство. Однако в основе иллирской модели лежала руссоистская идея о праве народов на самоопределение, таким образом, и граничары рассматривались как часть общей «иллирской нации», а следовательно, должны были воссоединиться с остальным народом путём унификации территориального законодательства и уничтожения отделяющих их от Хорватии и Славонии административных границ. Унионистская политическая модель опиралась на исторические права хорватской и славонской земельной знати на территории Военной границы.

Таким образом, противостояние иллиров и унионистов можно рассматривать как борьбу идеи примата исторической автохтонной языковой нации против исторических корпоративных прав хорватской знати. При этом до 1848 г. вопросы, связанные с судьбой Военной границы, решались на разных уровнях власти в Австрийской империи, но без участия представителей самой Границы. Иллиры пользовались большим успехом, чем унионисты на Хорватско-славонской военной границе не только из-за того, что вели пропаганду своих идей как культурными, так и экономическими способами (создание вроде бы неполитических аграрных обществ), но и из-за того, что исторически относительно однородная по социальному статусу граничарская сословная корпорация находилась в противостоянии с хорватско-славонской аграрной знатью, как раз в большинстве и поддерживавшей мадьяронов.

Второй параграф посвящен взаимодействию королевства Хорватии и Славонии с Военной границей, двором и Венгрией в революционный для

Австрийской империи период 1848–1849 гг. Важным для судьбы Военной границы стало распоряжение императора Фердинанда I (1835–1848 гг.) от 7 мая 1848 г., согласно которому на основе мартовских законов Государственного собрания в Прессбурге/Пожони в ведение венгерских властей передавались не только все военные дела самой Венгрии и Хорватии, но и вся Военная граница. Причем, все полки Хорватско-славонской границы должны были посылать своих представителей также в венгерский парламент. Таким образом, впервые с момента образования в 1578 г. Граница оказалась под управлением Венгрии, что, конечно, стало одним из важных достижений венгерских политиков. Кроме того, венгры попытались предотвратить созыв хорватского сабора назначенным из Вены баном Й. Елачичем (1801–1859), сочувствовавшим Народной партии.

Однако хорватское правительство привело все возможные аргументы, чтобы отстоять право на созыв сабора. Здесь важно отметить то, что бан и его совет, несмотря на апелляцию к совместному венгеро-хорватскому законодательству, по факту взяли курс на прямое решение всех вопросов с императором как королём Хорватии и Славонии или номинального Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии, тем самым нарушив иерархию, в которой прежде обязательной вышестоящей ступенью были венгерские власти, а монарх рассматривался преимущественно в качестве венгерского короля. Сам же народ Хорватии и Славонии в письме императору от 2 июня фигурирует уже как «свободный и конституционный». Поэтому эту дату, 2 июня 1848 г., на наш взгляд, можно считать национальной революцией в Хорватии и Славонии, когда правительством и его главой баном были признаны основные идеи загребской Народной скупщины 25 марта.

Ключевым моментом в правовых взаимоотношениях Хорватии и Венгрии в период революции 1848–1849 гг. был статус представительных органов в глазах имперского центра и Пешта. Основной целью мартовских

законов королевства Венгрия в территориальной сфере была максимальная интеграция земель короны св. Иштвана в собственно венгерское юридическое пространство, другими словами, максимальное лишение автономии как Трансильвании, так и королевства Хорватии и Славонии.

Согласно мартовским законам статус хорватского сабора был понижен от парламента автономного королевства до обычного земельного ландтага лишь трёх собственно хорватских жупаний, тогда как трём славонским жупаниям было отказано в представительстве – своих делегатов они должны были посылать напрямую в Государственное собрание в Прессбурге/Пожони. Сам же хорватский сабор, созванный баном Й. Елачичем позиционировал себя как парламент Триединого королевства Далмации, Хорватии и Славонии, имевший равный статус с венгерским Государственным собранием и претендовавший на представительство всех исторических хорватских земель.

Политические сдвиги 1848 г. привели к изменению и сущностных представительских функций парламентов как Венгрии, так и Хорватии и Славонии. Если в начале года это были ещё сословно-представительные органы, то к концу года они трансформировались в общенациональные парламенты, выражавшие интересы не отдельных сословий, а всего народа.

Преобладавшие на хорватском саборе 1848 г. народняки придерживались взглядов австрославизма и выступали за федерализацию Австрийской империи на национально-языковой основе. В контексте этого депутаты рассматривали возможность заключения «дружественного союза» с Воеводством Сербским, провозглашенным в Сремских Карловцах, и словенскими землями монархии. В случае отделения Венгрии от империи сабор считал нужным заключить новое соглашение с Габсбургами и остаться в составе монархии при условии переустройства нового государства на принципах федерации и равноправия живущих в нём народов. Однако дискуссию в хорватском парламенте вызвали два вопроса,

связанные с выработкой основы для такого союза между Триединым королевством и Сербским Воеводством: о широте компетенций сербского воеводы и о принадлежности Срема, в том числе его части, входящей в Петроварадинский полк Славонской военной границы. Нерешенные в 1848 г., эти вопросы будут подниматься и на дальнейших хорватских саборах 1860–1870-х годов.

Ирредентизм Вировитицкой жупании (за переход из состава Хорватии в Венгрию) в июне 1848 г. разжег по-настоящему милитаристский настрой как в хорватском саборе, так и в обществе. Хорваты впервые почувствовали, что смогут отстаивать свои территории против венгров лишь с оружием в руках, а не в рамках права и парламентской деятельности. Ранее вспыхнувший в Южной Венгрии сербско-венгерский конфликт не оказал такого влияния на хорватских парламентариев и загребчан как ирредента одного из регионов королевства. В начале июля в ответ на обращение сабора о необходимости защиты страны бан Й. Елачич, которому была возвращена легитимность, прибыв из Инсбрука, пообещал защищать свою землю. Тогда же начались массовые пожертвования горожан на предстоящую войну, в которую затем и перешло политическое противостояние между императорским двором, Загребом, Пештом и сербскими повстанцами.

Третий параграф посвящена разбору основных положений принятого в 1850 г. нового Основного закона Военной границы на основе Откроированной конституции 1849 г.

Глава 2 «Проекты реформ Границы и их реализация в 1850–1870-е годы» посвящена периоду самого упразднения системы Военной границы. Эта глава так же, как и первая состоит из трех частей в соответствии с хронологическим подходом.

В первом параграфе рассматриваются проекты рубежа 1850–1860-х годов, когда под влиянием поражения в войне 1859 г. в Австрийской

империи были упразднены ограничения на политическую работу местных парламентов (ландтагов), а также были сделаны значительные уступки венгерским элитам, что снова актуализировало венгерское влияние на хорватов и сербов. Кроме того, последние потеряли территориальную автономию в виде Воеводства Сербии и Темешского Баната.

В ходе подавления революции 1848–1849 гг. в том числе и силами Военной границы император Франц Иосиф (1848–1916 гг.) в марте 1849 г. гарантировал граничарам неприкосновенность военного устройства Границы, а также равенство в привилегиях с населением «остальных королевств», что затем было подтверждено и в письме бану Й. Елачичу. Таким образом, Военная граница за лояльность фактически приравнивалась по статусу к королевству внутри монархии. Однако уже в 1850 г. император в особом патенте указал, что «Хорватско-славонская военная граница как и прежде остаётся в союзе со своей метрополией Хорватией и Славонией, чтобы они вместе составили одну землю, но с отдельным провинциальным и военным управлением и с отдельным представительством».

Вопрос, кому должна принадлежать Военная граница, после революции 1848–1849 гг. получил еще один важный аспект: связана ли Хорватия обязательствами унии с Венгрией или нет? Ведь граничары считали себя победителями в только что отгремевшей войне против венгров. На так называемой Банской конференции 1860–1861 гг. хорватский сабор, проработавший до 8 ноября 1861 г., принял важный закон № 42 о возможности заключения нового государственно-правового (униального) договора с Венгрией только в случае признания последней всей территории Триединого королевства, включая земли Хорватии, Славонии, Далмации и Военной границы.

Установившийся после подавления революции режим неоабсолютизма характеризовался, помимо прочего, отменой ряда форм зависимости и практик в экономике и социальной сфере, а также

ограниченным допуском рыночных отношений в производство и торговлю. Однако в среде высших чиновников-граничар находились и противники полного разрушения особого традиционного мира Границы. Одним из них стал О. Утешенович Острожинский (1817–1890), который создал свой проект в противовес планам венских политиков распустить задруги граничар, в которых он видел «четвёртый» тип аграрного устройства в Европе – тип «народно-семейного устройства южных славян». Ареалом распространения задруг О. Утешенович определяет Хорватию, Славонию, Далмацию, Воеводство Сербию, княжество Сербию и всю Военную границу. Он опасался, что на место ушедших в города пролетаризировавшихся граничар придут немецкие колонисты и населят все их земли вплоть до рек Сава и Купа, т.е. до границы с османской Боснией. Не нравилось ему и то, что против общин выступали и старые хорватские помещики, но по другой причине: им хотелось иметь более дешёвую рабочую силу, например, из безземельных батраков. Таким образом, в конфликте этих двух «корпораций» (хорватско-славонской знати и граничар) О. Утешенович встал на сторону второй из них.

Газета народняков «Pozor» отстаивала идеи интеграции Военной границы и Бановины, в отличие от других газет, которые выступали в защиту самостоятельности края, в том числе и за уже существующие привилегии. В таком духе писали, например, проправительственные «Agrarmer Zeitung» в Загребе и «Militär Zeitung» в Вене. 16 ноября 1860 г. в газете «Pozor» была напечатана программа Народной партии по вопросу Военной границы. В ней предлагалось 2 варианта: либо полное упразднение Границы, либо отделение военной власти от гражданской, т.е. передачу гражданской власти в ведение Бановины, что касалось лишь Хорватско-славонской военной границы. Это было вполне в духе нереализованной конституции 1848 г. для Военной границы. В этом духе выступал и Й. Штросмайер (1815–1905) с предложением единого для Провинциала и

Границы ландтага (сабора), а также введения единых законов. Однако противниками этого проекта и за создание своего особого ландтага для Военной границы выступили не только газетчики из противоположного «Pozor»'у лагеря, но и большинство православного духовенства Военной границы. Дискуссии 1850-х – начала 1861 гг. по судьбе Военной границы переместились со страниц газет и из околополитических обществ и клубов в стены нового хорватского сабора, созыв которого стал возможен после либерализации политической жизни, что было связано с принятием императором Францем Иосифом Октябрьского диплома (20 октября 1860 г.) и Февральского патента (26 февраля 1861 г.).

22 августа 1861 г. комиссия сабора приняла документ: «Об упразднении Хорватско-славонской Военной границы и установлению законов по ней». Основная идея этого документа такая: Военная граница упраздняется навсегда и включается в хорватское правовое пространство; на территории бывшей Границы образуются 3 новые жупании, а не вошедшая в них территория присоединяется к уже имеющимся хорватско-славонским жупаниям. Однако программа комиссии сабора оказалась радикальнее, чем предложения представителей Границы императору, т.к. предполагала не поэтапную интеграцию Военной границы в Бановину, а немедленное освобождение граничар от военной службы и опять же немедленную отмену закона о военном суде на ее территории.

Обострились и сербско-хорватские противоречия в хорватском саборе, связанные с допуском к его работе депутатов от Военной границы. Выступивший в хорватском саборе генерал барон Й. фон Мароичич (1812–1882), высказавшись о «едином хорватском народе», лишь выразил то, что думали не только нарождавшиеся хорватские праваша А. Старчевича (1823–1896), но и народняки. Похожих взглядов в отношении сербов придерживался, например, ближайший сторонник Й. Елачича великий жупан Загребской жупании И. Кукулевич-Сакцинский (1816–1889). Также

свой ответ на этот хорватский тезис о Военной границе дал сербский патриарх Й. Раячич (1785–1861) в своём письме хорватскому сабору от 1 мая 1861 г. На концепт хорватов о *праве на территорию* Й. Раячич отвечал *правом народа на своё название*. Это право именно в Габсбургской монархии и на Военной границе, в частности, сербский патриарх доказывал привилегиями, выдававшимися «влахам», которых он трактовал как «*Serborum Croatiae*». В сентябре 1861 г. хорватский сабор принял своё LVIII решение о названии служебного языка для Триединого королевства, которым согласно § 1 этого решения, стал «язык югославянский». Причём, этот «югославянский язык» вводился не только в административные учреждения, но и в преподавание во всех «учебных заведениях, мужских и женских, высших и низших училищах, как общественных, так и частных», а также и в церковную сферу, без различия вероисповедания. Именно рубеж 1860/61 гг. был моментом, когда хорватские политики осознали, что вопрос Границы является «одним из самых насущных».

Важным событием 1861 г. стало проведение Благовещенского собора в Сремских Карловцах (Петроварадинский полк). На нём было принято решение, что Военная граница может быть упразднена лишь с согласия общенародного собора сербов восточно-православного вероисповедания из Венгрии, Хорватии, Славонии, Далмации и всей Военной границы. Кроме того, в Положениях собора уже в п. 3 ст. I, где определялись границы новой сербской Воеводины, указывалось, что «Петроварадинский, немецко-банатский и сербско-банатский полки <...> будут считаться составными частями Воеводины сербской». Население этих полков, соответственно, могло участвовать в выборах главы Воеводины. На основе таких границ даже в случае дальнейшего существования Военной границы её восточные части должны были попасть под управление сербского воеводы. Таким образом, сербы монархии вновь актуализировали проблему границы между хорватским Триединым королевством и сербским Воеводством.

В ответ на это в хорватском саборе был создан особый комитет по вопросу принадлежности пограничного Срема. В статье III решений комитета доказывалось, что сербский воевода, как глава сербской Воеводины, не может быть также главой сербов за её пределами, в том числе и на Военной границе. В связи с чем сербы вне этнически сербской Воеводины не могли, согласно заключению хорватского сабора, избирать воеводу, т.к. в противном случае он бы превращался в «политического патриарха». Таким образом, хорваты, борющиеся за территориальное воссоединение исторического хорватского «Триединого королевства» выступали против создания сербами надтерриториальной структуры власти, опиравшейся чисто на национальность и Церковь. Несмотря на то, что хорватские депутаты пошли на уступки Вене, признав неприкосновенность Военной границы и Благовещенский собор, однако они решили жестко защищать свою принципиальную позицию по двум ключевым проблемным вопросам хорватско-сербских отношений Габсбургской монархии: прав сербского воеводы на население Военной границы и принадлежности Срема, возникших в 1848 г. Кроме того, хорватские народняки отстаивали тезис об *одном* политическом народе Триединого королевства без различия вероисповедания, на что не могла согласиться сербская сторона.

Во втором параграфе речь идет о проектах 1860-х гг., причем, в конце этого периода после переустройства Австрийской империи в дуальную Австро-Венгрию в 1867 г. венгерские власти добились от двора принятия ключевых решений о будущей передаче территории Военной границы в состав Венгрии и связанного с ней хорватско-венгерским договором 1868 г. («нагодба») королевством Хорватии и Славонии.

В ходе договоренности 1869 г. премьер-министра венгерского правительства Д. Андраши (1823–1890) с императором Францем Иосифом и министром-президентом Австрии Ф. Бейстом (1809–1886) Военная граница должна была упраздниться частями (первыми оказались

де милитаризированы Джурджевацкий и Крижевацкий полки северного выступа Хорватско-славонской военной границы – Вараждинской границы, разделявшей гражданскую Славонию на две части) и в конечном итоге войти в состав Венгеро-хорватского королевства, т.е. Транслейтании.

Д. Андраши добился образования особой новой «Комиссии Границы». Хотя эта комиссия теперь была вроде конкурента для Военного министерства и Генерального командования, управлявших краем, тем не менее, особых трудностей в сотрудничестве с министерством у комиссии не возникало. Таким образом, когда венгры открыто заявили о своих притязаниях на Границу, этим они ещё раз доказали унионистам и народнякам Бановины своё желание добиваться объединения Военной границы с Бановиной, хотя об этом в открытую и не заявляли. Такое единство целей окончательно переориентировало хорватских политиков Бановины на передачу вопроса упразднения Границы в Государственное собрание в Пеште. С этой целью хорватские политики обратились к венгерскому сабору с просьбой рассматривать вопрос объединения как свой и помочь им воссоединить Границу с Провинциалом в единое политическое тело. Этим они, по сути, не только признавались в своей неспособности осуществить заветное объединение, но и поддерживали присоединение территорий края (вместе с Провинциалом) к Венгрии.

Третий параграф посвящен особенностям граничарского движения и заключительному этапу демилитаризации Военной границы.

Граничарское движение впервые заявило о себе посланием граничар сотни св. Ивана Крижевацкого полка, которое было представлено 7 сентября 1869 г. на хорватском языке. Требования, выраженные в этом послании, можно классифицировать так: 1) граничарами были – граничарами и останемся; 2) решения по Границе необходимо принимать с согласия сотни и каждого граничара в отдельности; 3) возможность избирать надёжных мужей для отстаивания прав граничар. Таким образом, здесь уже

проявляется общее региональное самосознание (граничары), связанное с корпоративно-сословной составляющей, а также политическая зрелость (участие в решении проблем своего региона, представительство). Упразднение Границы и её присоединение к Бановине рассматривалось после событий второй половины 1860-х гг. как вхождение Военной границы напрямую в состав Венгрии. Народная партия выступала за «третий путь» в данном вопросе: созыв особой «конференции по Границе» военным министром для выработки компромисса.

Тень на граничарское движение бросило авантюрное восстание в Раковицах под началом одного из идеологов хорватской партии права Э. Кватерника (1825–1871) в 1871 г. Оно было быстро подавлено войсками, а сами восставшие, как оказалось, не разделяли целей руководства. Однако сами граничары продолжали бороться за свои права, которые неминуемо должны были пострадать после полной демилитаризации Границы о чём свидетельствовали императорские рескрипты 1871–1872 гг., определившие 10-летний срок упразднения всей Военной границы. Даже после более выгодного для Гражданской Хорватии и Славонии Соглашения 1873 г. с Венгрией многие граничары всё равно боролись за свои привилегии и не хотели сливаться с гражданским населением Бановины. Особенно это касалось и сербского православного населения. С 1874 г. на территории Военной Границы начинает выходить газета «Krajišnik», выступавшая против полного упразднения Границы и вхождения в Бановину, сходной позиции придерживался и появившийся в это же время в Земуне «Graničar». Но в 1881–1882 гг. Хорватско-славонская военная граница была окончательно инкорпорирована в состав королевства Хорватии и Славонии, являвшегося автономной частью Венгрии. Старые полки границы были переформатированы и полностью инкорпорированы в единую австро-венгерскую армию, тем самым была уничтожена особая граничарская сословная «корпорация».

В «Заключении» подводятся итоги исследования. XIX век можно назвать эпохой Реконструкции, поскольку этнические общности, как политические, так и языковые превращались в нации путем реконструкции своих общих истории, культуры и языка. На хорватское национальное движение, несомненно, повлияло то, что оно начало развиваться в эпоху классического «героического национализма»¹.

Таким образом, во-первых, к 1848 г. хорваты уже сформировали свое национальное ядро, чему немало поспособствовала реформа правописания Л. Гая и формирование единого литературного языка.

Во-вторых, идеология иллиризма явилась необходимым промежуточным звеном для превращения хорватов из сугубо кайкавцев через мегаидею общеюжнославянской «Великой Иллирии» (как альтернативы общеюжнославянской сербской нации) в суверенную нацию королевства Хорватии и Славонии. Причем, курс на национальное строительство «венгерской Иллирии» как части общеюжнославянского пространства позволил избежать отказа от самой идеи иллиризма в принципе. Ведь идеологи иллиризма исходили из положения о том, что значимость, вес той или иной территории в империи влияет и на расположение к ней имперского центра, т.е. на субъектность в границах огромной монархии.

В-третьих, положительный опыт иллиризма доказал, что для национального становления географическая привязка надежнее политико-этнической и, соответственно, иллиризм, связанный с определенной географической территорией, был верным выбором и снимал возможные противоречия этнических элит на местах. Кроме того, сформировавшие собственную политическую силу (народную партию) идеологи иллиризма

¹ Здесь я предлагаю использовать классификацию национализмов корейского историка Йе-Хьун Лима, который подразделяет национализмы на «классические героические» (преимущественно XIX в.) и «жертвенные» (как феномен XX в.). См: *Lim J.-H. Victimhood nationalism in contested memories: national mourning and global accountability // Memory in a Global Age: discourses, practices and trajectories. Palgrave Macmillan, 2010. P. 138–162.*

смогли закрепить за собой иллирскую идентичность, не имевшую до этого лишь географическую, а не языковую привязку в Габсбургской монархии. Это позволило во второй половине XIX в. политическим наследникам иллиров использовать этот потенциал для более успешной борьбы за присоединение территории Хорватско-славонской военной границы к королевству Хорватии и Славонии.

Военная граница представляет собой как географический (милитаризованная территория на юге монархии Габсбургов под особым управлением венского военного министерства), так и социальный феномен (особая замкнутая корпорация граничар). В решении вопроса места и перспектив Границы в хорватской политике следует учитывать оба этих фактора.

С позиции истории корпораций можно сделать вывод о разной природе сил, пришедших во властную элиту Загреба и политической элиты Военной границы. Принципиальная разница заключается в самом восприятии себя как группы и своих интересов. Загребские народняки, вышедшие из иллирского движения, взяли на себя ответственность представлять весь народ, говорящий на языках сербскохорватского языкового ареала, в том числе, и население Военной границы. Тем самым они бросили вызов уже существовавшим старым корпорациям, на протяжении предыдущих веков плохо понимавших друг друга: аристократии и дворянству королевства Хорватии и Славонии, с одной стороны, и граничарскому сословию Военной границы, с другой. В отличие от хорватской знати и граничар, отстаивавших многовековые привилегии своего сословия, а отсюда мысливших преимущественно в парадигме традиционного общества, загребская разночинная интеллигенция, составившая костяк Народной партии, жила уже представлениями эпохи модерна, т.е. городской культуры и национальных интересов.

Они решили быть представителями всего своего народа, а не отдельной страты или сословия. Однако взятая ими на себя миссия по отстаиванию интересов целого народа (а на начальном этапе даже шире - всех южных славян) привела к конфликту с частью старых корпораций, а поэтому и к их расколу.

Борьба между новой городской (но считавшей себя национальной) политической элитой и сословными корпорациями развернулась в Загребе и постепенно переместилась из клубов по интересам и со страниц газет в стены сабора. Народняки (иллиры) пришли в сабор, чтобы переделать его из сословно-представительного в национальный законодательный орган, что им удалось на волне революционных изменений в империи 1848 г. В этом же году в сабор впервые были избраны также представители Военной границы, что позволило им заявить об интересах своего сословия.

Однако успешное формирование хорватской национальной политической элиты в первой половине XIX в., особенно в 30-40-е годы привело к неизбежному обострению борьбы за территории, считавшиеся «исторически хорватскими», одной из таких важных для идеологов иллиризма территорий была Хорватско-славонская военная граница. В революционную эпоху 1848–1849 гг. судьбе Военной границы хорватские политики посвятили гораздо большее внимание, чем, например, вопросу принадлежности Далмации.

Хотя в середине XVIII в. создалось особое граничарское сословие в монархии Габсбургов, единая нация у граничар так и не сложилась. Изначальные два компонента (сербский православный и хорватский католический) граничарского общества так и не интегрировались между собой, несмотря на попытки австрийских властей к созданию единой религиозной (уния для православных) или социальной (сословие) базы. Два изначальных этно-конфессиональных компонента упорно развивались в две

отдельные нации, чему во многом способствовало и наличие сербского и хорватского национальных образований за пределами Военной Границы.

Решение венгерского вопроса в постреволюционной монархии Габсбургов ставило на повестку дня решение и вопросов других этносов империи, особенно обладавших историческим правом. Однако вопрос Военной границы был связан также и с проблемой перехода всей армии монархии на рекрутскую основу. Импульс появлению проектов упразднения Военной границы дало решение хорватского сабора, связавшего судьбу Хорватского королевства с Венгрией, а не Австрией. После конституирования Австро-Венгрии и хорватско-венгерского соглашения 1868 г. перемен в положении Границы избежать было уже нельзя. В результате сложились две партии: а) военные круги Австрии и часть сербов-граничар – за особый сабор Военной границы и преобразования её в отдельное королевство; б) венгерское правительство, сабор Провинциала, хорваты-граничары – за полное упразднение автономии. Последняя партия делилась на «умеренных» (за поэтапное упразднение Военной границы) и «радикалов» (за немедленное упразднение Границы). История показала правильность именно «умеренного» подхода к данной проблеме. Ведь эксперимент с упразднением Вараждинской границы (за несколько лет) оказался успешен, а сторонники других подходов всё равно пришли к данному решению. Восстание «радикалов» под началом Кватерника было быстро разгромлено. Сербь-граничары восприняли пропаганду С. Милетича и стали склоняться к идее объединения всех сербов в границах Венгрии. Военные круги Австрии поддержали идею воссоединения Военной границы с Провинциалом после оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Однако победившая программа, возможно, не была лучшим решением. Но исторические условия не дали развиваться альтернативным программам, например, консервативному (укрепление традиционного уклада жизни граничар при существовании Границы) и австрославистскому

(федерализация империи с выделением Северной и Южной славянских частей) подходу О. Утешеновича Острожинского.

Также можно сделать вывод, что на протяжении всего рассматриваемого периода хорватское и сербское национальные движения были лишь ситуационными союзниками при возникновении сильных внешних вызовов. При этом существовали две проблемы даже в рамках их союза: 1) широта компетенций сербских властей, 2) проблема пограничья Восточной Славонии, которую все хорватские политики считали исторически хорватской, и территории компактного проживания сербов в Южной Венгрии. Эти проблемы, впервые затронутые на саборе 1848 г., периодически поднимались и на последующих хорватских саборах 1860–70-х гг., актуализированные временной передачей Петроварадинского полка (в него входил Восточный Срем) в состав Банатско-сербской военной границы.

В целом можно констатировать кризис граничарской сословной корпорации, начиная с 1848 г., которая помимо наступавшего общего кризиса сословного общества гораздо острее была подвержена процессам развития национальных идеологий у южных славян в широком пограничье Габсбургской монархии и Османской империи. Всегда динамичное и подвижное в течение веков оно претерпело изменения и в конце 1870-х годов, что окончательно лишило смысла саму идею «границы».